

Л. С. Берг

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА¹

(Начато в Оханске на Каме 28 VII 1936)

Может быть, моему внуку со временем небезынтересно будет узнать, как проходила жизнь его деда. А пришлось она на очень богатое событиями время. Тот, кто обладает литературным талантом, мог бы дать захватывающую картину этой эпохи.

Я родился 2 (14) марта 1876 г. в г. Бендерах в семье нотариуса. Мое последнее посещение родного города относится к 1900 г. Тогда в Бендерах было около 50 тысяч жителей. Хотя этот город расположен на большой судоходной реке Днестре и на железной дороге между Кишиневом и Одессой, в то время он представлял собою необычайно отсталый уездный город: мостовых не было, и к осени все улицы покрывались глубоким слоем жидкой грязи, по которой можно было ходить только в специальных сверх-глубоких калошах, каких с тех пор я нигде не видывал; очевидно, их изготовляли специально на потребу жителей Бендер. Уличного освещения в городе не существовало, и в темные осенние ночи приходилось брести по улицам с ручным фонарем. Из средних учебных заведений была одна прогимназия, почему-то женская. Она помещалась напротив того дома, где я родился, на Александровской улице. Газет в городе, понятно, не издавалось.

Население состояло из русских, евреев и молдаван. В деревнях кругом Бендер жили украинцы.

По праздникам крестьяне из окрестных деревень привозили в город на базар разные продукты. Распродав свое добро, они живописными группами располагались прямо на улицах и мирно закусывали; рядом стояли телеги с лошадьми или волами.

Как и в прочих городах Бессарабии, жизнь была дешева, и природа в изобилии доставляла все плоды земные: пшеницу, кукурузу, помидоры, баклажаны, дыни, арбузы, разные фрукты—виноград, абрикосы, персики, грецкий орех, айву и многое другое.

В 1885 г. меня отвезли в Кишинев и отдали во 2-ю классическую гимназию, во второй приготовительный класс.

В средней школе тогда царил самая беспросветная реакция; господствующее значение придавалось древним языкам: латинскому, греческому, церковно-славянскому. При чтении классиков обращалось внимание не на историю народа, не на древнюю культуру, не на литературу—

¹ Печатаемая «Автобиографическую записку» Л. С. Берга, следует отметить, что автор довел свою автобиографию до 1902 г. и не готовил ее для опубликования. Однако даже в таком виде «Автобиографическая записка» представляет несомненно большой интерес, почему мы без колебания включаем ее в настоящий сборник (Ред.).

ное значение памятника, а исключительно на особенности языка. В некоторых классах было в день по два урока латинского языка. Зачем-то заставляли нас переводить не только с латинского на русский, но и с русского на латинский. Знание латинского языка дает, конечно, некоторые выгоды, особенно при изучении французского и английского языков. Но эти преимущества не стоили того громадного количества времени и труда, какие тратились в наше время, 80-е годы, на классиков. Ничего кроме скуки такое преподавание не возбуждало. Только в самые последние годы моего пребывания в гимназии стали у нас пользоваться распространением издания классиков с комментариями и рисунками, издания,

выходившие в свет под редакцией профессора Ф. Зелинского.

Л. С. Берг-гимназист (1888 г.).

Из естествознания в мое время проходили только физику и космографию. С чувством большой благодарности вспоминаю я прекрасного преподавателя физики, человека выдающихся моральных качеств, Петра Андреевича Александровского. Он перед войной 1914—1918 гг. был директором реального училища в Мелитополе, а после революции оставался преподавателем математики и физики в средней школе этого города. Я встречался с ним в 1920 г. в Мелитополе. Скончался он, если не ошибаюсь, в 1923 г.

Преподавателем русского языка был у нас спокойный и приятный молодой человек с русой бородкой, Евгений Федорович Будде, впоследствии знаменитый славист, профессор Казанского университета и член-корреспондент Академии Наук. Он окончил Но-

вороссийский (Одесский) университет только за год до моего поступления в гимназию.

Из других преподавателей нашей гимназии следует упомянуть о моем учителе Баскевиче, который прожил свыше 90 лет.

Директором нашей гимназии был Сиг — гуманный и уважаемый в городе человек. Но по каким-то мне не известным причинам он, к общему сожалению, вскоре был смещен, и вместо него назначен Алаев, невысокий, коренастый человек с лысым черепом. Это был черствый бюрократ, типичный «человек в футляре», преподававший, к счастью, не в моих классах.

О других моих учителях я не могу сказать ничего плохого, но бездушная бюрократическая обстановка постепенно выветривала у них добрые чувства, превращая в своеобразные педагогические машины.

Учебный день начинался у нас молебствием в актовом зале, на котором обязательно присутствовали директор, инспектор и все ученики, располагавшиеся строем по классам. Здесь должны были находиться все ученики, независимо от их вероисповедания. По окончании молебствия, которое продолжалось 20 минут, ученики попарно расходились по классам.

Перед началом первого урока в классе снова одним из учеников читалась молитва «перед учением». По окончании уроков опять читалась молитва.

В Кишиневе я жил не у родителей, а на частной квартире у вдовы врача, участника турецкой кампании. Кстати сказать, в том доме, где жил я, помещался в 1878 г. пленный турецкий генерал, защитник Плевны, Осман-паша, которого хорошо помнили обитатели нашего дома.

Ко всем ученикам, жившим не у родителей, от времени до времени являлся классный надзиратель. Официальным поводом его визитов было, вероятно, узнать, как живет ребенок у чужих людей. Но вот в одно из своих посещений такой классный надзиратель произвел у меня обыск. У двенадцатилетнего мальчика были обнаружены три преступных книги: «История древних и средних веков», номер журнала «Неделя» и еще какая-то третья книга в подобном же роде. Все это было изъято у меня, и моему отцу послана в Бендеры специальная бумага с предупреждением о том, чтобы родители обратили внимание на мой образ мыслей. Согласно правилам ученик мог читать только учебники; что касается других книг, то на чтение каждой должно было испрашивать разрешение у классного наставника.

Школа отличалась необычайным формализмом. После шести часов вечера гимназист не имел права отлучаться из дому, даже с родителями. Если была необходимость выйти, нужно было заблаговременно спрашивать разрешение у инспектора гимназии.

Из числа моих товарищей по классу о некоторых нужно упомянуть.

Александр Михайлович Кондратьев, сын просвирни, в гимназии не отличался большим прилежанием, но зато, перейдя в высшую школу, проявил необычайное упорство и трудолюбие. Он окончил Юридический факультет в Московском университете, Технологический институт в Петербурге и здесь же в университете — Историко-филологический факультет, а когда я встретился с ним после долгой разлуки, в 1909 г., он поступил в Горный институт. «Меня уже выбрали профессором, а ты все еще студент», — сказал я ему. Но это не был тип «вечного студента», ибо он всюду сдавал — и прекрасно — все полагавшиеся экзамены и имел все дипломы.

Виктор Дмитриевич Писаржевский был сыном помещика. Видный и красивый юноша, он блестяще окончил Московский университет по естественному отделению. В качестве дипломной работы проф. М. И. Голенкин, бывший тогда доцентом, дал ему тему «Список лишайников России». Со свойственным ему талантом Писаржевский выполнил это непосильное для студента задание. М. И. Голенкин имел неосторожность напечатать эту студенческую работу в солидном органе — «Бюллетене Московского общества испытателей природы». Специалисты лишенологи впоследствии сильно и, надо сказать, основательно критиковали В. Д. Писаржевского, но в сущности вдвойне виноват был М. И. Голенкин, предложивший студенту непосильную для него тему и затем неосторожно отдавший ее в печать. По окончании университета Писаржевский сделался нотариусом в Кишиневе и играл видную роль в местном обществе.

Федор Акимович Волькенштейн — талантливый адвокат, выступавший в царское время по политическим вопросам и напечатавший сборник своих речей; он скончался лет двадцать тому назад.

Владимир Николаевич Твердохлебов, специалист по финансовым вопросам, в настоящее время состоит профессором в одном из высших учебных заведений Ленинграда.

Одновременно со мной в нашей гимназии, но не в моем классе, учились: Алексей Викторович Щусев, впоследствии известный архитектор и академик; он был старше меня года на три; моложе меня на столько же лет был Вячеслав Петрович Волгин, ныне здравствующий историк, академик; слава о его способностях шла уже в наше гимназическое время.

В мое время среди гимназистов посмешищем был известный впоследствии реакционер Владимир Пуришкевич, учившийся в 1-й кишиневской гимназии. Его у нас за безобразные поступки называли «Володькой-сумасшедшим».

В 1894 г. я окончил гимназию. Не могу сказать, чтобы школа оставила у меня добрые чувства. Ко мне преподаватели относились хорошо, в последние годы я был первым учеником, и при выпуске получил золотую медаль. Тем не менее мне и через 5—10 лет по окончании гимназии иногда снились в виде кошмара школьные экзамены.

Незадолго до окончания гимназии мне сшили вольное платье. Когда я, получив аттестат, вернулся домой, первым моим делом было переодеться в новое платье и выйти на улицу — очевидно, с целью показать себя. Должно быть, на лице у меня сияло выражение некоего особого блаженства, потому что какая-то незнакомая женщина, встретив меня, спросила: «Вы, должно быть, сегодня окончили гимназию?».

Я решил поступить в Московский университет, на Естественный факультет. В 90-х годах здесь преподавало много выдающихся профессоров: физиолог И. М. Сеченов, физики А. Г. Столетов и Н. А. Умов, минералог В. И. Вернадский, геолог А. П. Павлов, химик Н. Д. Зелинский — уроженец Молдавии, именно г. Тирасполя, ботаники К. А. Тимирязев и И. Н. Горожанкин, зоологи М. А. Мензбир и А. А. Тихомиров, анатом Д. Н. Зернов, географ Д. Н. Анучин. Эти имена привлекали большое количество молодежи, и в 1894 г. на первом курсе Естественного факультета было около 200 студентов. В средней школе я увлекался химией и думал посвятить себя этой дисциплине. Но в университете на 1-м курсе не было практических занятий по химии; этот предмет читал нам проф. Сабанеев. Он знал свой предмет, но привить студентам энтузиазм к химии не был в состоянии. Про Сабанеева рассказывали анекдот, будто он определял химию как науку «о соединениях двух, трех, многих и даже более веществ между собой».

Как бы то ни было, я в университете увлекся зоологией. Во главе Зоологического музея Московского университета стоял профессор Анатолий Петрович Богданов, прекрасный организатор, заново создавший Зоологический музей, основавший Общество любителей естествознания и Московский зоологический сад. Он читал нам зоологию беспозвоночных. Кроме него, часть этого же курса преподавал Николай Юрьевич Зограф. Он интересовался рыболовством, был председателем Отдела ихтиологии Общества акклиматизации, и, возможно, под его влиянием я увлекся рыбами. Зоологию позвоночных читал Александр Андреевич Тихомиров, прекрасный лектор, большой знаток шелководного червя и шелководства. Михаил Александрович Мензбир читал нам сравнительную анатомию позвоночных. Он славился как превосходный лектор, опытный педагог и прогрессивный профессор; лекции его усердно посещались студентами. Однако с внешней стороны лекции были обставлены очень плохо. Не было никаких коллекций, скелетов, препаратов, никаких таблиц. Поэтому Михаил Александрович в течение лекции с книжкой обходил студентов, показывая и объясняя рисунки. Недостаток показательных материалов М. А. возмещал чертежами, которые он во время лекции

с большим умением воспроизводил разноцветными мелками на доске. Но все это искупалось прекрасным изложением предмета.

В настоящее время в Московском университете существует обширный Сравнительно-анатомический музей.

Студенты относились к М. А. Мензбиру с большой любовью и уважением. Тем удивительнее следующий случай, свидетелем которого я был.

Дело происходило в 1897 г. С утра М. А. приступил к чтению лекции. На первой скамейке, как раз против профессора, поместился один из наших студентов, который, раскрыв во всю ширину обеими руками два листа «Русских ведомостей», занялся вместо слушания лекции беззаботным чтением газеты.

Михаил Александрович, глядя на него, продолжал лекцию, но, видимо, начинал нервничать. Студент, не обращая никакого внимания на профессора, углубился в чтение газеты, которая заслоняла его от лектора. Наконец, М. А. не выдержал. Он бросил в сердцах на пол мел, которым рисовал какой-то анатомический чертеж, гневно сказал, что в такой обстановке неуважения к профессору он не может продолжать лекцию, и ушел в свой кабинет рядом с аудиторией.

Такого происшествия у нас не бывало в течение всего нашего пребывания в университете. Студенты заволновались, осуждали поведение студента — виновника этого инцидента и в конце концов выбрали депутацию, которой было поручено извиниться перед М. А. и просить его продолжать лекцию. Но М. А. был настолько расстроен, что не мог согласиться на просьбу студентов. В дальнейшем лекции продолжались как обычно, и об этом эпизоде М. А. не вспоминал.

Ассистентом у него в то время был Петр Петрович Сушкин, один из замечательнейших русских зоологов, впоследствии академик. В начале революции он был профессором зоологии в Симферополе, а затем переехал в Петербург, где занял в Зоологическом музее Академии Наук место покойного орнитолога В. Л. Бианки. Здесь я опять встретился с ним. Петр Петрович был прекрасным полевым исследователем; на свои скромные средства он совершил с орнитологическими целями большие путешествия по Приуралью, Киргизским степям, Алтаю. Это был широко образованный естествоиспытатель, хорошо знавший географию. Кроме птиц и бабочек и сравнительной анатомии, он интересовался палеонтологией и много сделал в этой области.

У Петра Петровича был очень острый язык, и он охотно издевался над всеми, причем попеременно вышучивал сначала какого-нибудь одного своего знакомого, а потом ему самому рассказывал что-нибудь подобное про своего недавнего собеседника и т. д. Впрочем, на деловых, служебных и вообще товарищеских отношениях это свойство Петра Петровича не сказывалось никак. Все знавшие этого замечательного зоолога должны были отдавать дань признания его громадному таланту. Из всех наших зоологов моего времени он был самым выдающимся.

В Зоологическом музее университета ассистентами были в те времена недавно окончившие университет Сергей Алексеевич Зернов, Николай Васильевич Богоявленский, Борис Михайлович Житков, Яков Павлович Щелкановцев. Доцентом был Григорий Александрович Кожевников, впоследствии профессор Московского университета, большой знаток пчеловодства, известный своими исследованиями по пчеле. С. А. Зернов впоследствии заведывал Севастопольской биологической станцией, в начале войны 1914 г. был профессором Отделения рыбоведения Москов-

ского сельскохозяйственного института, где мы с ним работали вместе, а после революции был выбран академиком. Н. В. Богоявленский был впоследствии профессором зоологии в Московском университете. Это был добросовестный труженик, большими талантами не обладавший. Я. П. Щелкановцев был профессором зоологии Ростовского университета. Б. М. Житков — известный специалист по птицам и млекопитающим.

В 1895 г. я слушал лекции знаменитого минералога и геохимика Владимира Ивановича Вернадского.

Из всех моих профессоров остался в живых только Николай Дмитриевич Зелинский.¹

Несколько слов о других профессорах нашего факультета. Громадной популярностью среди студентов пользовался Климент Аркадьевич Тимирязев. Он читал нам анатомию и физиологию растений. Помню, какое неотразимое впечатление он произвел на меня, когда на первую лекцию принес разрезанный зрелый арбуз и показывал нам видные простым глазом крупные клеточки его мякоти. Ораторским талантом Климент Аркадьевич не отличался, тем не менее посещали мы его усердно и внимательно слушали. Обаяние его было исключительное. Еще в гимназии я зачитывался его популярными лекциями «Жизнь растения», а в университете я восхищался его известной книгой «Чарльз Дарвин и его учение». В 1898 г. москвичи отмечали какой-то юбилей Климента Аркадьевича ужином в ресторане «Эрмитаж». В составе студенческой делегации, которая была избрана для приветствия К. А. в «Эрмитаже», находился и я: юбиляр облобызался со всеми студентами-депутатами. Счастье мое было безгранично.

В 1916 и 1917 гг. я и мое семейство проводили лето, снимая дачу в имении Владимира Ивановича Танеева, под Клином Московской губ. Мы жили здесь в большом длинном деревянном здании, один конец которого занимал К. А. Тимирязев со своим семейством, середину — мы, а другой конец — проф. Н. В. Богоявленский, о котором я упоминал выше. Мы ежедневно встречались с Климентом Аркадьевичем и его сыном Аркадием — физиком. Климент Аркадьевич относился ко мне дружелюбно, и я бывал в его доме и в Москве.

К. А. Тимирязев был противником войны и, не стесняясь, открыто выражал это свое мнение. Политику Керенского он порицал и стоял уже летом 1917 г. на позициях большевизма. С В. И. Танеевым, братом известного музыканта, его связывало старинное знакомство и общность политических убеждений.

Владимир Иванович Танеев был оригинальным человеком. Это был старик под 70 лет, с волосами еще черными и живым лицом. Когда-то известный московский адвокат, он слыл за человека стойких левых убеждений. К тому времени, когда мы с ним познакомились, он перестал заниматься адвокатурой, поселился в своем имении Демьянове и здесь предавался своей старой страсти — собиранию книг. Для книг он выстроил у себя в имении целый дворец в два света, в котором никто не жил — ни он, ни кто-либо из его близких; не было даже служителя. Хозяин с большим удовольствием показывал желающим свою библиотеку. Чистота и порядок здесь царствовали поразительные. Все книги были в замечательных переплетах. Стояли они в невысоких шкафах из красного дерева, откуда было удобно доставать их.

¹ Скончался в августе 1953 г.

Подбор книг соответствовал интересам Владимира Ивановича — это были в громадном большинстве труды по социологии и сочинения по истории французской революции. Впрочем, В. И. Танеев собирал и другие книги серьезного содержания, но их было сравнительно немного.

Показывая мне эту великолепную библиотеку, вызывавшую во мне восхищение, В. И. подвел меня к письменному столу и сказал: «А здесь в столе у меня хранится под замком написанная мною много лет тому назад работа по социальным вопросам». Я полюбостыствовал узнать, о чем трактуется в этой работе и напечатана ли она.

«Нет, — отвечал хозяин, — она не напечатана и не может быть при нынешних обстоятельствах напечатана. Я посылал ее в свое время Салтыкову-Щедрину в „Отечественные записки“, тот весьма одобрил ее, но сказал, что по цензурным условиям опубликовать работу невозможно — настолько левые взгляды развивались в ней». Впрочем, никому этой статьи В. И. не показывал. Хорошо знавшие Владимира Ивановича — К. А. Тимирязев и Н. В. Богоявленский — сообщали мне, что В. И. держался учения коммунизма. У себя в имении В. И. вел спартанский образ жизни. Для книг он, как мы говорили, построил дворец, а сам жил в жалкой лачуге, состоявшей из одной комнаты и кухни. Супруга его к тому времени скончалась, и жил он один. После революции собрание книг В. И. Танеева легло в основу библиотеки Коммунистической академии. В имении у него было несколько дачных построек, которые он сдавал за очень скромную плату на лето, но исключительно профессорам и писателям. В мою бытность в Демьянове к В. И. как-то приезжал Андрей Белый, с которым я имел случай познакомиться. В одном из своих сочинений А. Белый описывает свое посещение Демьянова. При разговорах с Белым меня поразило то обстоятельство, что говорил он обыкновенным языком, как и все мы, простые смертные, тогда как писал он каким-то особенным диалектом.

Возвращаясь к профессорам Московского университета. Ботаник И. Н. Горожанкин был замечательным лектором. Его простые, но чрезвычайно содержательные лекции по морфологии растений оставили во мне неизгладимое впечатление. Это был выдающийся ученый, оставивший классические работы по процессу деления растительной клетки. Он часто болел и манкировал лекциями.

Анатом Д. Н. Зернов, автор выдержавшей много изданий «Анатомии человека», был прекрасным лектором. Он излагал увлекательно такую, казалось бы, сухую материю, как остеологию или миологию человека. К сожалению, он читал нам совместно с медиками и, так как мы слушали анатомию только один год, на первом курсе, а медики два, то он не успевал нам прочитать кровеносную и нервную системы. Для изучения остеологии нам раздавали кости черепа, и мы должны были знать все детали так же хорошо, как и медики. Но в отношении миологии естественникам делались послабления: так, если им выпадал билет «мышцы кисти и запястья», то от него можно было отказываться, вынимая другой билет.

Помню, что на экзамене у Д. Н. Зернова мне как раз и попался этот билет. Зернов спросил меня: «Хотите другой?», но я отказался. Память у меня в те времена была отличная, и я отчеканил экзаминатору все мышцы с указанием мест их прикрепления. Профессор был очень доволен и поставил мне 5 с плюсом (такой отметки официально даже и не было). Уже будучи на втором курсе, я проходил миологию на трупе, в анатомическом театре. Это не было обязательно для естественников, но разрешалось.

Геолог Алексей Петрович Павлов, впоследствии академик, был выдающимся ученым. Он читал лекции с большим воодушевлением. Тогда Геологический кабинет ютился в небольшом помещении, куда мы проходили через длинную почти подземную арку.

Алексей Петрович имел сухую, изможденную фигуру и длинное лицо с русыми волосами и бородой.

Как я уже говорил, в университете я обратил преимущественное внимание на зоологию. На 3-м и 4-м курсах я много занимался рыбами. Собрал хорошую коллекцию рыб Днестра у Бендер. Она до сих пор хранится в Зоологическом музее Московского университета.

На 3-м и 4-м курсах, в 1897 и 1898 гг., я занялся темой «Дробление и развитие парабласта у щуки». Я сам дважды произвел на живорыбных садках искусственное оплодотворение щуки. Фиксировал материал я дома, следя за развитием всю ночь. Развивающиеся икринки были разложены у меня на блюдах на столе.

В первый раз я следил за развитием целую ночь, а под утро заснул. В это время пришла горничная убирать комнату и выбросила с блюд весь мой эмбриологический материал. Когда я проснулся, отчаянию моему не было пределов. При содействии моих профессоров, особенно Н. Ю. Зографа, мне удалось снова произвести искусственное оплодотворение щуки и докончить работу. За эту работу я получил от университета золотую медаль, которая мне была вручена во время акта каким-то сановником Москвы (кем именно, теперь не упомяну).

Статья моя о развитии щуки была напечатана в 1899 г., уже по окончании мною университета, в «Известиях Общества любителей естествознания», членом которого я был избран. Это была моя первая серьезная научная работа, выпущенная в свет. Мне кажется, что там есть вещи, до сих пор не потерявшие значения. Обработкой своей темы я занимался в гистологическом кабинете профессора Ивана Флоровича Огнева, прекрасного гистолога. Его гистологический кабинет, относившийся к Медицинскому факультету, был поставлен образцово, и я мог познакомиться здесь с новейшими методами микроскопической техники.

Первой моей печатной работой был отчет о выкормке нормальным способом шелковичных червей, выведенных из грены от червей, выкормленных скорцонерой. Эта работа была поручена мне А. А. Тихомировым, который впервые предложил способ выкармливать шелковичных червей не шелковицей, а скорцонерой, что можно делать в Московской губернии, где шелковица не растет. Мне было поручено грену, полученную от скорцонеровых червей, выкормить обычным способом. Это я сделал в г. Бендерах. Работа моя была напечатана в 1897 г.

Летом 1897 г. Московское общество акклиматизации, где работал проф. Зограф, направило меня на р. Урал для участия в рыбоводных работах, которые производил здесь известный рыбовод и ихтиолог Николай Андреевич Бородин.

Будучи родом из уральских казаков, он в 1894 г. опубликовал большой труд «Уральское казачье войско», географо-статистического содержания, доставивший ему известность. Затем он побывал в Северной Америке, где изучил рыбоводство. Бородин служил в Петербурге, в Департаменте земледелия, где пользовался большим влиянием.

В начале лета 1897 г. я проехал из Москвы до Царицына, а отсюда пароходом до Астрахани. Здесь я стал ждать парохода на Гурьев. Ждать мне пришлось очень долго, что-то около десяти дней, и скромные запасы денег у меня почти совсем иссякли, так что в Гурьев я прибыл без копейки.

Но здесь меня на пристани встретила подвода, и я благополучно был доставлен на импровизированный рыбоводный завод, устроенный на плоту Н. А. Бородиным. Целью работ были опыты над искусственным разведением севрюги. Пребывание в Гурьеве весьма расширило мой кругозор: я познакомился со своеобразным уральским рыболовством и с биологией осетровых рыб. Обрато я поехал через Уральск, по дороге посетив Индерское самосадочное озеро, расположенное за Уралом. Когда я вернулся летом 1897 г. в родительский дом в г. Бендерах, я узнал, что отец мой опасно болен. Он ездил за границу, в Вену, где ему сделали операцию мочевого пузыря. Осенью болезнь вернулась, и отец поехал в Москву, где ему сделал операцию С. П. Федоров, впоследствии знаменитый хирург. Но спасти отца было нельзя, у него был рак мочевого пузыря, и 1 января 1898 г. он после больших мучений скончался.

Мой отец был одним из самых замечательных людей, каких я встречал в своей жизни, и я был бы счастлив, если бы хотя в чем-нибудь мог быть похож на него. Он отличался трудолюбием, воздержанностью и мягким характером. Я не слышал никогда, чтобы он сердился на кого-либо. Он был нотариусом в уездном городе и, хотя не был состоятельным человеком, зарабатывал столько, что все мы, четверо детей, были сыты, обуты и получили образование: я и моя сестра Раиса — высшее, а две других сестры — среднее. Отец не пил спиртных напитков, не играл в карты, был домоседом, любителем чтения книг, и его единственным пристрастием было курение.

В городе он пользовался уважением и был гласным городской думы.

В начале июня 1898 г. я окончил университет с дипломом первой степени. Еще весной этого года в Зоологический музей университета поступило из Общества любителей естествознания предложение послать двух зоологов для исследования озер в Омском уезде Акмолинской области (ныне Кокчетавской). Инициатива этого предложения шла со стороны Западно-Сибирского отдела Географического общества, где тогда работал Морозов, человек энергичный и интересовавшийся географией. Вообще в конце XIX ст. и у нас, и за границей начали много заниматься изучением озер. Толчок был дан появлением известной трехтомной монографии швейцарского натуралиста Ф. А. Фореля по Женевскому озеру «Le Léman» (1892—1894). Это сочинение я купил еще будучи в университете и впоследствии, работая на Аральском море, прочитал его от доски до доски. Оно произвело на меня громадное впечатление. Вообще говоря, три сочинения оказали сильнейшее влияние на меня: одно на французском языке, вышеупомянутая монография Фореля, другое на немецком — «Führer für Forschungsreisende» (1886), немецкого геолога, геоморфолога и географа Фердинанда Рихтгофена и, наконец, третье — английское (прочитанное мною в русском переводе, потому что я тогда плохо знал английский язык), «Основы социологии» Спенсера. Я перечитал с громадным интересом все работы этого философа, какие были на русском языке.

В университете и некоторое время после (примерно до 1908—1909 гг.) я был большим сторонником Дарвина и дарвинизма. Перед Дарвиным я и теперь преклоняюсь, но его учения об эволюции путем борьбы за существование не признаю.

Студентом я восхищался книгой К. А. Тимирязева «Чарльз Дарвин и его учение», прочитал также «Происхождение видов» в переводе. Из других книг, оказавших на меня большое влияние, нужно назвать «Про-

исхождение английской цивилизации» Генри Томаса Бокля. Теперь же я концепцию Бокля признаю совсем неправильной.

Еще студентом я в подлиннике прочитал всего Гейне, «Фауста» Гёте, перевод «Отверженных» Виктора Гюго и множество других книг.

Прибавлю, что еще гимназистом я увлекался А. С. Пушкиным. В Кишиневе, где я учился, имя великого поэта пользовалось особым обаянием. Пушкин, как известно, провел в Кишиневе несколько лет. В прекрасном городском саду в 1887 г., в день 50-летия со дня его смерти, был поставлен памятник, мимо которого я, направляясь в гимназию, проходил каждый день. На памятнике было высечено: «Здесь лирой северной пустыню оглашая, скитался я 1820—1823. . .». Близ города расположена Инзова гора — холм, на котором сохранились развалины дома генерала Инзова, где жил Пушкин. У меня до сих пор имеются томики дешевого собрания сочинений поэта, выпущенного Суворинным в 1887 г.

Но возвращаюсь к сочинению Фореля. Я приобрел его весной 1898 г. при следующих обстоятельствах: с Зоологическим музеем Московского университета был связан Федор Федорович Каврайский, хороший ихтиолог, ученик Богданова и Зографа, к тому времени уже опубликовавший ряд ценных работ по рыбам и рыболовству Кавказа. У него была прекрасная ихтиологическая библиотека. В 1897 г. он внезапно исчез, неизвестно куда. Жена его была вынуждена продать его библиотеку. Часть книг купил я, часть же — Владимир Константинович Бражников, впоследствии исследователь вод Дальнего Востока и видный деятель по рыбному делу. Мы с ним, как видно будет, встречались и далее. В. К. Бражников окончил Московский университет на год или на два раньше меня, и ему в 1898 г. было предложено поехать во Владивосток для службы в управлении рыболовства. Книги, купленные мною у жены Каврайского, оказали мне громадную помощь при изучении рыб. Как оказалось впоследствии, Каврайский уехал за границу. Здесь он поступил на службу в русское консульство, если не ошибаюсь, в Лейпциге. В конце десятых годов нынешнего века он вернулся в Россию и снова занялся здесь ихтиологией. Он умер незадолго до революции. Это был очень дельный и толковый человек, сделавший в своей жизни гораздо меньше, чем мог.

Возвращаюсь к рассказу об омских озерах. Зоологический музей направил туда двоих зоологов, только что окончивших университет, — меня и Владимира Сергеевича Елпатьевского. От Кабинета географии Д. Н. Анучин послал также окончившего в этом, 1898, году географа Павла Григорьевича Игнатова. В. С. Елпатьевский был оставлен при университете по зоологии и специализировался по беспозвоночным. Он был впоследствии профессором зоологии в Бакинском университете.

П. Г. Игнатов был молодой, красивый человек, казалось, цветущего здоровья. Мы скоро сошлись с ним и подружился. Это был весьма дельный географ, способный, вдумчивый, знающий, хороший организатор и, главное, прекрасных душевных качеств. Его достоинства быстро оценили в Географическом обществе, где тогда секретарем был А. В. Григорьев. Он, вероятно по болезни, стремился сложить с себя секретарские обязанности и в качестве преемника себе наметил Павла Григорьевича. Лучшего выбора он не мог бы сделать, и если бы предположения Григорьева осуществились, то, я не сомневаюсь, Игнатов поднял бы авторитет Географического общества на небывалую высоту. К сожалению, случилось иное. Летом 1901 г., во время экспедиции на Кокчетавские озера, Павел Григорьевич заболел скоротечной чахоткой и здесь же скончался. Не-

кролог покойного напечатан мною в «Известиях Географического общества» за 1902 г.

Замечательны исследования Игнатова 1900 г., произведенные на Телецком озере; о них он успел опубликовать только предварительное сообщение, однако с прекрасной картой озера.

Летом 1898 г. мы занимались исследованием озер Омского уезда. Отчет об этих исследованиях напечатан мною совместно с П. Г. Игнатовым в «Записках Западно-Сибирского отдела Географического общества» за 1902 г.

Я писал этот отчет в Казалинске в 1900 г.

Надо упомянуть, что в поездках по Омскому уезду вместе с нами участвовал В. Ф. Ладыгин. Он присоединился к нам в Омске. Его присутствие было для нас очень полезно.